

© Фирсов М.В., 2011

ПРАКТИКА СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ В ДРЕВНЕЙ СПАРТЕ

Аннотация. В статье определены основные подходы к становлению практики социальной педагогики в древнейший период истории Древней Греции. Показана роль древнейших институтов в решении проблем социализации детей, подростков и юношей в контексте традиций военного демократического государства. Определена роль учителей, наставников и родственников в развитии ребенка в спартанском государстве, выявлены особенности государственного подхода в деле социального воспитания подрастающего поколения.

Ключевые слова: социальная идентичность, социальная педагогика, социализация, социальное образование, социальное обучение, социальное воспитание, социальная работа.

© M. Firsov, 2011

PRACTICE OF DEVELOPING SOCIAL PEDAGOGY IN ANCIENT SPARTA

Abstract. The article identifies the main approaches to the establishment of social pedagogy practice in ancient Greece. The role of the ancient institutions in solving problems of socialization of children, adolescents and youth are shown in the context of the traditions of the military democratic state. The role of teachers, mentors and relatives in child's development at Spartan state is identified. The features of state approach in social upbringing of young generation are determined.

Key words: social identity, social pedagogy, socialization, social upbringing, social training, social education, social work.

В Древней Греции ребенок в процессе своего развития должен был научиться жить в гражданской общине, однако перед этим он проходил несколько уровней культурной и социальной идентификации, где приобретал определенные практические навыки и социальные представления об окружающей общности.

Семья, фратрия, фила, полис, каждый этап вхождения в определенную социальную организацию предполагал свой уровень развития ребенка – юноши – молодого человека. Отдельный этап имел свою систему оценки и отбора и предстоял от кандидата определенный уровень готовности к жизнедеятельности в данном социальном измерении.

Э. Бенвенист, рассматривая социальную терминологию Древней Греции, обращает внимание на то, что «юридическое родство и самосознание, община и личность» предстают в своей неразделенной целостности. Человек осознается как некое социальное единство, где он соотносится как общественный субъект принадлежности к полису, и в тоже время как представитель существующего рода, «общественный человек, взятый сам по себе, а с другой стороны, член узкого братства» [1].

Эта особенность понимания человека определяет направленность социальных институтов обучения, организацию воспитательной среды и ее идеологемы, а также механизмов общественной солидарности.

Особую роль в социальном обучении, воспитании и организации обучающей среды играли родственники мужчины, которые наряду с функциями родства могли иметь и общественные функции наставника.

Между родственниками, отцом, дядями и дедушками, а также наставником и учителем существовали свои воспитательные роли, которые закреплялись традициями, а в отдельных случаях – законами. Античность имела в своем арсенале достаточно большие группы «социальных педагогов», которые руководили процессом социализации ребенка. В Древней Греции социальные роли отца, наставника и учителя будут разными социальными ролями, с различными социально-воспитательными и образовательными функциями, хотя все эти функции воспитателя могли иметь отдельные субъекты, например геронты в Древней Спарте.

Условно можно говорить о двух моделях социальной педагогики в Древней Греции – это спартанская и афинская модели социальной педагогики. Несмотря на то, что механизмы социального обучения, солидарности и средового воспитания, в данном случае полисного, имели одни социокультурные корни, система организации общности вносила свои коррективы в модель социально-педагогического развития человека. Остановимся на первой модели – спартанской практике социальной педагогики.

Спартанская модель социальной педагогики

Спартанская модель социальной педагогики периода правления Ликурга была подчинена жестким требованиям военного государства. Ребенок был собственностью военного государства и не принадлежал семье, фратрии или филе, поэтому социально-педагогическая деятельность являлась прерогативой власти и была направлена на формирование будущего воина как главного и основного субъекта государства. Идеология военной корпорации, основанная на принципах военного государственного патернализма, ставилась выше индивидуального личностного развития, «военное братство» вырабатывало свои формы социальной идентичности, формирование и подтверждение которой продолжалось на протяжении всей жизни спартанца.

Однако, как считают исследователи, массовое воспитание спартанцев хотя и затрагивало детей из аристократических семей, тем не менее предоставляло им в этих условиях свой вектор социального развития. Социализация детей из аристократических семей протекала в более мягких условиях, протекции позволяли им впоследствии занимать высокие должности в спартанском государстве. Даже жесткие меры против социального расслоения на этапе социализации детей и подростков и для создания равных возможностей для развития, введенные спартанским руководством, оставляли достаточно большие «лазейки» для семейного и родового протекционизма [4].

Вместе с тем механизмы социальной педагогики позволяли социализировать не только детей из своей этнической общности в пространство военного спартанского государства. Достаточно успешно проходил также процесс социальной и культурной ассимиляции детей завоеванных народов, таких детей называли *мофаками*, они впоследствии могли занимать даже высокие должности, как свидетельствуют древние авторы, таковыми были стратеги Гиалипп, Калликратид и, возможно, Лисандр [6].

Миссия социальной педагогики

В Спарте миссия социальной педагогики была направлена на содействие сохранению военного государства путем воспитания и образования послушных и выносливых воинов, главным и единственным смыслом жизнедеятельности которых было постижение «науки побеждать».

На это была нацелена как система социального обучения и воспитания, институты солидарности, так и организация жизнедеятельности спартанцев. Как справедливо заметил Аристотель, историческая ограниченность этой парадигмы заключалась в неумении спартанцев заняться другим делом, а также «пользоваться досугом», что, вместе «с гегемонией», собственно, и привело к гибели это государство.

Исторические институты образовательной и воспитательной социальной среды

К историческим институтам спартанского социального обучения и воспитания условно можно отнести институты кровно-родственных наставников, институт общественных наставников, институт общинных собраний и праздников и ряд других. Мы остановимся в данной статье на первых двух институтах социального обучения и воспитания.

Институт кровно-родственных наставников и воспитателей

Институт родства представляли отец, затем, скорее всего, дед и дядя, которые имели свои обязанности в воспитании своего внука и племянника. Между ними были распределены воспитательные функции, каждый принимал участие в социальном обучении и воспитании ребенка в свой период жизни.

Институт дедов и дядей, скорее всего, осуществлял свои функции социального воспитания и наставничества до семилетнего возраста, когда ребенок все свое время проводил в семье.

Как отмечал Плутарх, у спартанцев существовал во времена Ликурга институт кормилиц, которые хорошо знали свое дело и вскармливали малышей вместо матери. После вскармливания кормилица передавала ребенка *наставникам*, «не наемным и не купленным», которые воспитывали его до семилетнего возраста [6].

Термин «наставник» будет иметь разное терминологическое обозначение в греческом языке в зависимости от возраста воспитанника, это наблюдается и в Спарте, и в Афинах.

Если провести историческую лексикографическую реконструкцию слова от древнегреческого слова «*parros*» – дедушка, к латинскому слову «*paras*» – наставник, то можно обнаружить не только общие корни, но и общность социальных функций, которые выполняют данные субъекты на основе социальных ролей. Здесь можно отметить, что, с одной стороны, в механизме наставничества реализуются родовые механизмы трансляции социального опыта жизнедеятельности, передаваемые социогенетически, от старшего поколения к младшему, а с другой – в кровно-родственной общине исторически закрепляется разделение воспитательных функций между кровными родственниками.

Такое разделение воспитательных функций было характерно как для спартанцев, так и для общин в Афинах. Социализация ребенка до семилетнего возраста предполагала социальное обучение и воспитание детей «правилам поведения» в семье и обществе, а также их «посвящение в ритуалы», последние требовали не только знаний, но и усвоенных в деталях годами и десятилетиями последовательных действий, выполнение кото-

рых осуществлялось по религиозным канонам, что передать могли только люди, имеющие жизненный опыт в конкретной социальной общности.

Отсюда институт дедов и дядей выполнял функции социального воспитания и образования, который коррелировался с институтом отцов в этот период, за которыми в Спарте были закреплены другие функции. Этот факт устанавливает Э. Бенвенист на основе анализа социальной лексики, доказывая, что эти два вида воспитательных отношений между родственниками «коррелируют друг с другом и никогда не устанавливаются в одном и том же эмоциональном ключе» [1].

Именно институт дедов и дядей, как показывают исследования, вводил ребенка в мир этнокультурной общности. Как подчеркивает Плутарх, данные субъекты образования и воспитания, «не купленные и не наемные», являлись не рабами и не свободными людьми, так как свободными людьми считались только сами спартанцы, воины.

Институт отцов

Отец в Спарте представлял институт ограниченной власти, в отличие от власти отцов Древнего Рима, где последний имел права на жизнь и смерть своего ребенка. В Спарте это право сдерживал институт геронтов и старейшин. Однако отец, в соответствии с законами Ликурга, имел власть не только над своими сыновьями, но и, как другие отцы, он имел власть над всеми другими детьми, возможно, его власть проявлялась в период с семи лет до двенадцати [6].

Функция отца в Спарте не являлась функцией «отца-кормильца», как это наблюдается в других культурах и общностях. Социальная роль отца в Спарте – это роль «*pater*», всеобщего отца, власть которого делегирована общностью, отсюда масштабы ее распространения не только над своим сыном, но над всей спартанской детской общностью.

Это – функция общественная, не личностная и не индивидуальная, она проявляется в охранении законов жизнедеятельности общности, в свершении правосудия в рамках дозволенных мер применительно к конкретному случаю и отдельному ребенку. Отсюда институт отцов в Спарте контролирует и карает «сынов», если те отходят от установленных социальных законов и норм спартанской общности, – подобно древнегреческим богам, которые охраняют законы и вершат правосудие над людьми и другими богами. В этом проявляется их общественная наставническая и воспитательная функция по отношению к своим собственным детям и всем детям-спартанцам.

Например, отец имел право сурово наказывать в тех случаях, если ребенок не проявлял мужества и стойкости, как это предписывала этика спартанского общества. Как описывал Плутарх, «если мальчик, побитый кем-нибудь посторонним, жалуется отцу, считается постыдным, если отец не побьет сына еще раз» [6].

Нечто подобное можно было наблюдать в этот период на Крите. Когда знатный юноша собирал агелу, товарищей, во главе ее стоял отец этого юноши, который по отношению к ним выполнял роль наставника. Он не только руководил их играми и гимнастическими упражнениями, но и имел право единолично осуществлять наказания в отношении любого члена агелы. Причем эти действия были санкционированы властью и обществом [2].

Институт общественных наставников / Институт общинных собраний

Институт наставничества включается в процесс социального обучения и образования с семилетнего возраста спартанца и рядом с ним остается практически до преклонного возраста. На каждом этапе социализации подключаются свои наставники, которые

выполняют специфические функции сообразно с задачами социального образования и воспитания. Здесь можно отметить, что институт наставничества был связан с разделением функций в обществе на основе социальной и возрастной стратификации.

Можно наблюдать, что военная стратификация отдельных групп по достижении ими определенного возраста постепенно перенаправляется в воспитательную и образовательную активность в соответствии с возрастными особенностями субъектов. Наставничество геронтов – эта та общественная повинность, которую они несут, «служат» Спарте на другом поле деятельности: воспроизводстве, сохранении и восстановлении социального капитала военного государства.

На основе возрастных характеристик и разделения труда выявляются следующие тенденции: чем старше спартаец, тем он все больше отстраняется от военной деятельности, однако его полномочия как наставника расширяются. Таким образом, в обществе он становится ответствен за функции контроля и надзора над детской и молодежной общностью. Эта традиция, возможно, была возведена в период правления Ликурга в ранг закона спартанского государства.

С семилетнего возраста до двенадцати лет спартацы проходили первый этап социального обучения и воспитания. Данный этап характеризуется тем, что юные спартацы обучались жить вне института семьи, подчиняясь требованиям военной жизни. Они были организованы в военные отряды, которые назывались буями, а сами воспитанники имели статус *миттеллов*. На этом этапе спартацы проходили не только начальный курс общего образования, но и социальное обучение в нескольких школах [6].

По дошедшим до нас письменным источникам, условно, как писали об этом древние, эти школы можно разделить на «школы развития ума», школы нравственного воспитания, которые можно отнести к институтам общинных собраний, а также «школы послушания», которые организовывали старейшины.

Процесс организации и социального обучения для детей данной возрастной группы контролировался старейшинами, которые выступали для них «отцами, учителями и наставниками». Они присутствовали при всех видах обучения миттеллов [6].

«Школой для развития ума» явились фидитии. Мителлы слушали разговоры старших о политике, перенимали их опыт и, как писал Плутарх, они «видели пред собой наставников в лучшем смысле этого слова». Здесь они обучались хладнокровно переносить шутки, не обижаясь на других, «сами учились шуткам и насмешкам».

Институт фидитий, совместных трапез, как писал Ксенофонт, являлся «школой нравственного воспитания» для миттеллов, там они под руководством старших приобретали навыки спартанского поведения. Учились не сквернословить, не быть заносчивым, стыдиться «неприличного поступка» [3].

В педагогических целях в фидитиях, согласно Платону, использовали вино, чтобы улучшить характер молодых спартацев. Спартиаты опаивали вином илотов и показывали всю неприглядность пьяного молодым людям. Платон на примере спартанского воспитания делает выводы в своих «Законах», дети до семнадцати лет не должны употреблять вино, потому что «не надо ни в теле, ни в душе к огню добавлять огонь» [5].

«Школа послушания» организовывалась старейшинами, которые выбирали из числа наиболее сильных, ловких и сообразительных сверстников предводителей отрядов миттеллов. Задача данной школы заключалась в том, чтобы научить подчиняться старшим не только по возрастному принципу, но и на основе субординации, как это принято в воинских подразделениях. Сверстники не только должны были брать с него пример, выполнять все его приказания, а также они должны были научиться мужественно переносить наказания с его стороны. В этом проявлялась социально-педагогическая функция данного учреждения в Древней Спарте.

С двенадцатилетнего возраста до восемнадцатилетнего спартанцы были объединены в отряды и поделены на воинские подразделения – *илы*. Процесс жизнедеятельности в них значительно усложняется. С одной стороны, они находятся под более жестким контролем наставников из числа старейшин и назначенных обществом специальных лиц. С другой стороны, им предоставляется право выбирать себе наставников из числа сверстников и наставников из числа взрослых спартанцев.

Данный период жизнедеятельности спартанцев – более суровый, он характеризуется испытаниями, которые приближены к условиям боевых действий. Подростки в шестнадцать лет, которые получали статус *сиденов*, содержатся в условиях скудного пропитания, без хитона, обуви, круглый год они были вынуждены ходить только в одном плаще.

Помимо усложнения их образа жизни, усложняется и социальный контроль со стороны общества. Скорее всего, это было связано с тем, что они все более приближались к статусу воина, что требовало как больших усилий от них, так и большого контроля от общества, убеждения в их готовности к выполнению этих функций.

Институт наставников со стороны общества становится расширенным и разветвленным. Помимо старейшин, которые выступали в тех же ролях «отцов, учителей и наставников», появляются еще *педономы*, которые руководят воспитанием сиденов. Педономы имели в своем распоряжении мастигофоров, «несущих бич», которые приводили в исполнение наказание. Возможно, именно они осуществляли бичевание сиденов на алтаре Артемиды Ортии.

В этой возрастной группе усложняется взаимодействие между сверстниками и *старшими товарищами* – *наставниками*. Наставник со стороны сверстников в данной возрастной группе выбирался самими *сиденами* из числа старших товарищей, более «умных и сильных», достигших двадцатилетнего возраста, их называли *меллеренами*. Несмотря на то, что они были вожаками и в отряде их слушали беспрекословно, в домашних условиях они, как правило, были в услужении у старших.

Меллерены отвечали за организацию жизнедеятельности сиденов. Они не только организовывали «потешные бои», но именно они, как писали древние, «посылали» тех сиденов, которые проявляли наибольшую сообразительность, на вылазки против илотов, называемые *криптиями*.

Помимо обучения военным действиям, они организовывали набеги старших сиденов на огороды, чтобы пополнить скудные запасы в отрядах, а младших – на сбор дров. Набегам подвергались даже фидитии, «школы развития ума», которые становились не институтом почитания, а объектом пополнения припасов. Возможно, это был один из самых «сложных объектов», поскольку там постоянно находились взрослые спартанцы, которые также выросли на данных традициях.

С этого периода выбирался наставник со стороны взрослых, это был акт добровольного волеизъявления, проявление индивидуальности, когда на юношах не лежал груз обязательности. Возможно, это был чуть ли не единственный нерегламентируемый поступок, который был неподконтролен наставникам, учителям, отцам.

Начиная с двадцатилетнего возраста спартанцы становились совершеннолетними, и они являлись равноправными членами фидитий.

Несмотря на свой новый статус, молодые спартанцы до тридцати лет продолжали оставаться под полным контролем воспитателей или педономов. Их поведение было жестко регламентировано, и старшие возрастные группы выполняли надзор и контроль, несмотря на то, что они уже вышли из под опеки педономов и мастигофоров.

После двадцатилетнего возраста спартанцы обязаны были жениться, это был не их выбор, а требование сообщества. Если спартанец не женился в этот период, то он подвергался ostracismu.

После тридцатилетнего возраста спартанец де-юре имел право на частную жизнь, однако де-факто геронты и община контролировала его во всех сферах жизнедеятельности.

Процесс социального обучения и социального воспитания спартанцев показывает таблица 1.

Таблица 1

Этапы социального обучения и социального воспитания спартанцев

Возрастная группа	Наставник из числа старших спартанцев	Наставник из числа сверстников	Институты социального обучения и воспитания
С рождения до семи лет	кормилица, наставник, (дядя – дедушка)		семья
От семи лет до двенадцати лет мителлы	геронты, отец	начальник буя	буи, семья
От двенадцати лет до восемнадцати лет	геронты, педоном, выборные граждане	меллерены, надсмотрщики, достигшие двадцатилетнего возраста	бидеи, сисситии
От восемнадцати лет до двадцати лет	геронты, старшие товарищи	эйрены – 18 лет	агелы, сисситии, криптии
От двадцати лет до тридцати лет	геронты, спартанская община		сисситии
От тридцати лет до старости	геронты, старшие товарищи		сисситии, лесхи, агора

Таким образом, в древнейший период истории практики социальной педагогики начинается складываться модель социализации подрастающего поколения, которая начинает включать в себя следующие черты:

1. тотальный патернализм со стороны государства, когда определяется жизнедеятельность человека от рождения до смерти, при этом ему отказано в индивидуальном сценарии жизни;
2. осуществление социального воспитания со стороны назначенных лиц, важнейшим из которых является наставник, который не только осуществляет функции контроля, но и передает опыт социального поведения в общности;
3. институт наставничества, в который могут входить как представители мира «взрослых», так и сверстники;
4. в Спарте зарождается архетип социализирующего субъекта: отец – учитель – наставник, который может быть мультиперсональным субъектом, эти функции также могут выполнять различные субъекты воспитания. В дальнейшем это триединство Отца – Учителя – Наставника будет персонализировано в христианстве в образе Иисуса Христа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. М.: Прогресс, 1995. 456 с.
2. Ирмшер Й. Словарь античности. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1989. 704 с.
3. Ксенофонт. История Греции. М.: АСТ, 2010. 448 с.
4. Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики) СПб.: Гуманитарная Академия, 2001. 510 с.
5. Платон. Серия: Антология мысли. М.: Эксмо, 2008. 1360 с.
6. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах, М.: Наука, 1994. Издание второе, исправленное и дополненное.